

УДК 821.161.1.09 «18»

ББК 83.3 (2=Рус) 5

П 12

Павлов Ю.М.

Доктор филологических наук, профессор кафедры публицистики и журналистского мастерства Кубанского государственного университета, e-mail: yuriy_pavlov@rambler.ru

Личность и творчество А. Чехова в работах

И. Ильина, С. Булгакова, И. Бунина

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются публикации о Чехове Ивана Ильина, Сергея Булгакова, Ивана Бунина, в которых выявляются некоторые доминантные черты личности и творчества писателя. Отмечается, что в жизни и разножанровых произведениях А. Чехов следовал отечественной традиции христоцентризма. Установлено, что русскость и религиозность, по мнению Ильина, Булгакова, Бунина, являются главными отличительными чертами Чехова, человека и художника слова.

Ключевые слова:

Личность, мировоззрение, художественный метод, автор, герой, христоцентризм, религиозность, русскость.

Pavlov Yu.M.

Doctor of Philology, Professor of Department of Journalism and Journalistic Skill, Kuban State University, e-mail: yuriy_pavlov@rambler.ru

The personality and creativity of A. Chekhov in I. Ilyin, S. Bulgakov and I. Bunin's works

Abstract:

The paper examines publications of Ivan Ilyin, Sergey Bulgakov and Ivan Bunin about Chekhov. These works show some prepotent lines of the personality and creativity of the writer. A. Chekhov is noted to follow the national tradition of Christocentrism in life and works of different genres. It is inferred that Russianness and religiousness, according to Ilyin, Bulgakov and Bunin, are the main distinctive features of Chekhov, the person and literary artist.

Keywords:

Personality, outlook, art method, author, hero, Christocentrism, religiousness, Russianness.

Естественно, что о Чехове писали его современники: Дмитрий Мережковский, Михаил Меньшиков, Василий Розанов, Сергей Булгаков, Иван Бунин, Максим Горький, Иван Ильин и другие. Обратимся к некоторым публикациям, в которых выявляются доминантные черты личности и творчества Чехова.

Вера – неверие Чехова, его религиозность – нерелигиозность, православность – неправославность произведений писателя – одни из самых обсуждаемых вопросов, особенно в последние два десятилетия. Суждения Ивана Ильина о Чехове при этом, как правило, не учитываются. Так происходит, видимо, потому, что нет статей философа, посвященных Чехову. Однако именно Ильин высказал ряд принципиальных мыслей, которые помогают понять и названную проблему, и некоторые другие.

В отличие от многих авторов, Иван Ильин в статье «Церковь и жизнь» не сводит «религиозность», «православность» писателя к «ритуальности», он обращает внимание «больше всего и прежде всего» на «христианскую одухотворенность» сердца художника. Закономерно, что рассвет русской культуры XIX века мыслитель связывает с деятельностью творцов, «окормленных» духом Православия, а в творчестве писателей от Пушкина до Чехова Ильин видит «гениальное цветение русского духа», выросшего из «корней Православия» [1: 70]. Таким образом, философ одним из первых констатирует очевидное – христоцентризм отечественной литературы.

Правда, мыслитель оставляет за скобками своих суждений вопрос о разном «градусе» православности отдельных и писателей, и произведений. Косвенно указанный аспект возникает в статье «Художество Шмелева». Здесь Ильин говорит о Чехове, читателе духовно не готовом к адекватному восприятию поэзии А.К. Толстого. В ней, по свидетельству Антона Павловича, «ему все казалось оперным и аффективным». Отсюда суровый вывод Ильина: «Глубокомысленные прозрения поэта не говорили ему ничего» [2: 140].

Сказанное, подчеркну, не противоречит приведенной мысли о духовных корнях творчества Чехова. Об их «пунктирном» проявлении вскользь упоминает Ильин в статье «Святая Русь. “Богомолье” Шмелева». Очень высоко оцени-

вая роман своего тезки («Так о России не говорил еще никто»), философ замечает, что живой духовной субстанцией Святой Руси «раз или два целомудренно, робко <...> коснулся Чехов» [2: 138].

В размышлениях философа нигде напрямую или косвенно не соотносятся православность творчества писателя с его душевной отзывчивостью. Но, думаю, что в общем поле оценок и идей разных работ Ильина такая взаимосвязь все же существует. Так, в статье «Достоевский как художник» Чехов не попадает в большой список русских писателей с «пределно чутким сердцем» (что вызывает возражение), об Антоне Павловиче лишь сказано – «в известной мере». Эта мера, на мой взгляд, определяется в статье «Художество Шмелева» в сравнительной характеристике двух великих современников: «...страдающая, пишет он (Шмелев. – Ю.П.) о страданиях человека; не сострадающая, как это бывает у Чехова, а страдающая подлинно сама» [2: 156].

Вполне естественно, что в своих работах Ильин неоднократно затрагивает тему художественного метода и мастерства Чехова. В статье «О тьме и просветлении» Ильин относит писателя к типу творцов с однообразным художественным актом, достигшим в нем вершин мастерства. Чеховское мастерство Ильин называет великим и характеризует его как изображение целого «через, казалось бы, неуловимую, но, вот, уловленную деталь» [3: 237]. Таким образом, Чехов стремится передать, в первую очередь, жизнь человеческих чувств. Что же касается уже самих героев, то они, по версии Ильина, «безвольны и беспоступочны – воли творимой нет». Аналогичная мысль высказывается о чеховских мыслителях, о людях «вялых и расплывчатых» [3].

В работах И. Ильина «Художество Шмелева», «Художник и художественность» Чехов именуется великим мастером образной краткости, экономии. Закономерно, что общее правило художественности: где можно сократить, сокра-

ти, – философ иллюстрирует известным советом Чехова, который он дал начинающему писателю.

Несколько раз И. Ильин обращает внимание и на слабые места прозы Чехова. Прежде всего, это названия многих произведений, которые случайны, незрелы, поверхностны. Эта оценка И. Ильина дважды появляется в сравнениях Чехова с И. Шмелевым, для произведений которого мыслитель находит такую образную формулировку: «они выношены обычно до художественной зрелости, ибо автор дает им вызреть до необходимости. Они бывают зрелы и в заглавиях своих (что так редко давалось Чехову)» [3: 363].

Сергей Булгаков в статье «Чехов как мыслитель», в отличие от многих авторов XIX – XXI веков, не делит мировоззрение и творчество Чехова на различные периоды. Литературная деятельность писателя видится Булгакову «единым целым», проникнутым общим мировоззрением. Целостность и цельность литературного пути обеспечивают прежде всего духовные ценности, на которые ориентируется Чехов. Поиск веры, Бога – вот, что отличает созвучных Чехову героев его прозаических и драматических произведений. В подтверждение своей мысли Булгаков приводит доказательные цитаты из «Скудной истории», «Трех сестер», «На пути».

Конечно, следовало бы уточнить, о какой вере и каком Боге идет речь у героев и автора. Иначе, красивые выражения подобные следующим: «общая идея», «бог живого человека», «искание правды, Бога, души, смысла жизни», встречающиеся у Чехова и Булгакова, – могут получить прямо противоположную интерпретацию.

Разный смысл вкладывался в приведенные слова, выражения представителями и декадентов, и «тенденциозного искусства». Оба эти направления были, по справедливому мнению философа, мировоззренчески и творчески чужды Чехову. Однако, думаю, не только непроясненность Булгаковым некоторых прин-

ципальных понятий, смыслов приводит к тому, что сам мыслитель сбивается на волну «тенденциозного искусства» и делает из Чехова, если вспомнить советскую терминологию, критического реалиста, одной ногой стоящего уже в социалистическом реализме.

Особенно впечатляет блок цитат из «Дяди Вани», «Трех сестер», «Моей жизни», «Ионыча», «Крыжовника», цитат об, условно говоря, мерзостях русской жизни. Суть, подчеркну, не в том, что этих мерзостей не было (они были), а в степени их концентрации и форме их выражения в названных произведениях, а также в том, как на них прореагировал Сергей Булгаков.

После цитат из пяти произведений Чехова, часть из которых приведу в резко сокращенном виде («Во всем уезде только два порядочных человека: ты да я»; «Город наш существует уже двести лет <...>, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем...»; «Во всем городе ни одного честного человека!»), следует совершенно неожиданный нелогичный вывод: «Сумрачный мир, изображенный Чеховым, освещается им ровным и ласковым светом. Он не сгущает краски...» [4: 232].

Если точка зрения героев на реальность, людей, по сути, на Россию, выдаваемая Булгаковым как позиция самого Чехова, есть не сгущение красок, то как тогда определить сей подход? Это взгляд русофобов разных мастей от Владимира Ленина до Дмитрия Быкова, для которых Чехов – лишь повод заклеить Россию и русских. В отличие от подобных ненавистников России и русских, Сергей Булгаков утверждает, что чеховские герои и их болезни – это явление не только и не столько русское, сколько европейское, мировое. «...Если бы Англия, Германия или Швейцария имела своего Чехова, – предполагает Булгаков, – то, конечно, недостатка в материале для чеховского творчества не было бы и там. Косвенное под-

тверждение этому можно видеть в Мопассане, из новейших европейских писателей в наибольшей степени приближенном к Чехову» [4: 234].

Довольно неожиданны и интересны сравнительные характеристики Чехова с Байроном. Я остановлюсь только на одном суждении мыслителя, которое определяет еще с одной стороны главные направления творчества Антона Павловича: «Чеховым ставится под вопрос и подвергается тяжелому сомнению, так сказать, доброкачественность средней человеческой души, ее способность выпрямиться во весь свой потенциальный рост, раскрыть и обнаружить свою идеальную природу, следовательно, ставится коренная и великая проблема метафизического и религиозного сознания – загадка о человеке. Настроение Чехова должно быть поэтому определено как мировая скорбь в полном смысле этого слова...» [4: 235].

Сестра Чехова Мария Павловна еще в 1911 году выразила уверенность, что лучше Бунина о ее брате никто не напишет. Первый шаг в этом направлении Иван Алексеевич сделал осенью 1904 года очерком «Памяти Чехова». Затем последовали дополнения, интервью, новая редакция и два названия: «О Чехове. Из записных книжек» и «Чехов». В эмиграции Бунин неоднократно перечитывал произведения писателя, его письма, воспоминания современников. Имя Чехова довольно часто встречается в дневниках Бунина. Но лишь после выхода в СССР сборника воспоминаний о Чехове в 1947 году и полного собрания сочинений писателя Бунин в последний год своей жизни принимается за книгу о любимом авторе. Она осталась незавершенной и впервые была опубликована в СССР с купюрами лишь в 1967 году.

В начале книги Бунин приводит традиционно называемые на протяжении более ста лет факты детства, юности, молодости Чехова: ночное пение в церковном хоре, «хозяйское око» в лавке, с гимназических лет зарабатывание себе и се-

мье на хлеб, медицинское образование, знакомство со второго курса университета с журналистским миром и т.д. Бунин напрямую связывает эти факты биографии Чехова с его редким знанием людей, жизни, проявившимся уже в раннем творчестве. Иван Алексеевич, в частности, утверждает: «если бы не было церковного хора, спевок, то и не было бы рассказов ни «Святой ночью», ни «Студента», ни «Святых гор» (такого рассказа у Чехова нет. — Ю.П.), ни «Архиерея», не было бы, может быть, и «Убийства» без такого его тонкого знания церковных служб и простых верующих душ» [5: 170].

Бунин, называя многие произведения Чехова, порожденные жизнью в Подмоскovie, удивляется тому, что писателю «ничего не дал Псел, где он прожил два лета восемьдесят восьмого, восемьдесят девятого, хотя восторгался этими местами выше меры. Но в литературе его они не отразились» [5: 171].

Следует уточнить: весенне-летние месяцы 1888 года, прожитые Чеховым в Полтавской губернии, нашли отражение в рассказе «Именины». Алексей Николаевич Плещеев, гостивший вместе с Буниным в усадьбе Линтваревых три недели, увидел в данном произведении сумской «след». В октябре 1888 года он отозвался на «Именины» письмом, в котором содержалось много критических замечаний и предложение: убрать из рассказа «человека 60-х годов» и «украинофила», ратующего за освобождение Малороссии от «русского ига».

9 октября Чехов ответил Плещееву письмом, где подробно, по пунктам прокомментировал его замечания. Я приведу только высказывания с украинским сюжетом. В восприятии Чехова «украинофильство — не улика». Писатель выделяет, по сути, два типа украинофилов. Первый тип, представленный семьей Линтваревых, вызывает у Чехова симпатию, ибо у таких людей главным является «любовь к теплу, к костюму, к языку, к родной земле» [6].

Ко второму типу украинофилов Чехов относился резко негативно, что было вызвано следующими причинами: «Я же имел в виду (в рассказе «Именины». — Ю.П.) тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки».

Чехов, очень тепло относясь к Малороссии и к хохлам (наиболее часто употребляемое писателем слово), указывал на многие их достоинства. В то же время он отмечал и еще одно качество, которое порождает в украинском народе (как и в любом другом) «глубокомысленных идиотов». Так, в письме к Суворину от 18 декабря 1891 года Чехов, имея в виду творчески-интеллигентскую среду, заметил: «Хохлы упрямый народ; им кажется великолепным все то, что они изрекают, и свои хохлацкие истины они ставят так высоко, что жертвуют им не только художественной правдой, но даже здравым смыслом».

Параллели, совпадения с новейшей постсоветской украинской действительностью более чем очевидны. Самое страшное и трагичное то, что тип украинофила из «Именин» определяет политику Украины начала XXI века, он по-прежнему видит в Гоголе предателя, неустанно транслирует мифы о русском иге, голодоморе, воспекает Бандеру и прочих украинских националистов-фашистов.

Бунин в своей книге, говоря о родословной Чехова, о проживании предков писателя в Воронежской области с XVII века, высказывает предположение: явились они в эти места «с севера, а не из украинских земель, так как речь Чеховых и в XIX веке, и раньше была русская (называя себя неоднократно в письмах «хохлом», А.П. Чехов, вероятно, имел в виду, что его бабушка со стороны отца была украинкой)». Однако Бунин не обраща-

ет внимания на то, что хохлом Чехов называет только в отрицательно-ироничном контексте: «хохлацкая лень», «хохлацкая логика» и т.д.

Русскость Чехова на ином, духовно-культурном, ментальном уровне, который, собственно, определяет национальную принадлежность человека, писателя, подчеркивается Буниным через высказывание Л.Н. Толстого. Он, нежно любивший Антона Павловича, говорил ему: «Вот вы — русский. Да, очень, очень русский».

По отношению к России и к русским писателям неоднократно характеризовал и себя, и других. Ключевым в понимании указанной проблемы является, на мой взгляд, следующий эпизод. Чехов делится с А.С. Сувориным впечатлениями о посещении издательства: «На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею».

В этом суждении Чехов, следуя национальной традиции, единственно верно сопрягает дело для народа, национальный дух как его стержень и, выражаясь современным языком, главного потребителя товара — мужика. Эта триада по сути выражает формулу жизни Чехова, его столь разнонаправленной деятельности [7]. Напомню только некоторые вехи ее: многолетняя врачебная практика в ущерб себе — на пользу мужика, построенные три школы, сахалинская эпопея с составленными Чеховым десятью тысячами статистическими карточками, собрание библиотеки для Таганрога (сопровожаемое в письмах к И.Ф. Иорданову просьбами: «никому не говорите о моем участии в делах библиотеки»), хлопоты о строительстве шоссе по просьбе крестьян, постоянная — с юношеского возраста и до смерти — материальная помощь близким и далеким родственникам, забота о священнике Н.Н. Некрасове, талежском учителе и многих других. Особого внимания заслу-

живает и завещание писателя. Согласно ему, после смерти близких родственников их имущество и доходы от издания чеховских книг должны быть переданы в таганрогское городское управление на нужды народного образования.

Итак, идя разными путями, Иван Ильин, Сергей Булгаков, Иван Бунин при характеристике личности и творчества А.П. Чехова следуют общей христоцентричной традиции отечественной мысли, которая, по сути, сводится к двум «формулам»: русский значит православный; Хри-

стос – идеал русского народа, писателя в частности, и с позиций этого идеала художник слова оценивает в своих произведениях человека и время. писали о русскости и религиозности личности и творчества Чехова. Они расходились лишь в определении «градуса» этой религиозности, периодически заменяя это понятие синонимичными либо тождественными смыслами. Русскость и религиозность, по мнению Ильина, Булгакова, Бунина, являются главными отличительными чертами Чехова, человека и художника слова.

Примечания:

1. Ильин И. Собр.соч.: в 10 т. Т. 2, кн. 2. М.: Рус. кн., 1993. С. 70.
2. Ильин И. Собр.соч.: в 10 т. Т. 6, кн. 2. М.: Рус. кн., 1996. С. 140.
3. Ильин И. Собр.соч.: в 10 т. Т. 6, кн. 1. М.: Рус. кн., 1996. С. 237.
4. Булгаков С. Чехов как мыслитель // А.П. Чехов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 232.
5. Бунин И. О Чехове // Бунин И.: Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1967. С. 170.
6. Здесь и далее цитируются письма Чехова по следующему изданию: Чехов А. Собр. соч.: в 12 т. Т. 11-12. М.: Худож. лит., 1957.
7. О духовно-религиозном смысле проблемы на другом материале я говорю в статье: Павлов Ю.М. Художественная концепция личности в повести Л. Бородин «Третья правда» // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 4. С. 58-59.

References:

1. Ilyin I. Coll. of works: in 10 v. V. 2, book 2. M.: Rus. kniga, 1993. P. 70.
2. Ilyin I. Coll. of works: in 10 v. V. 6, book 2. M.: Rus. kniga, 1996. P. 140.
3. Ilyin I. Coll. of works: in 10 v. V. 6, book 1. M.: Rus. kniga, 1996. P. 237.
4. Bulgakov S. Chekhov as a thinker // A.P. Chekhov: pro et contra. SPb.: RKhGI, 2002. P. 232.
5. Bunin I. On Chekhov // Bunin I.: Coll. of works: in 9 v. V. 9. M., 1967. P. 170.
6. Hereinafter Chekhov's letters are quoted according to the following edition: Coll. of works: in 12 v. V. 11-12. M.: Khudozh. lit. 1957.
7. I wrote about spiritual and religious sense of the problem, using some different material, in the article: Pavlov Yu.M. The literary concept of a person in L. Borodin's story «The Third Truth» // The cultural life of the South of Russia. 2010. No. 4. P. 58-59.